

Татьяна ГРАУЗ

Татьяна Грауз – поэт, прозаик, эссеист, переводчик, член Творческого союза художников России. Родилась в Челябинске, окончила 1-й Московский медицинский институт и театроведческий факультет ГИТИСа. Автор нескольких книг стихотворений, в том числе «Внутри тишины» (М.: Союз Дизайн, 2019). Публикации в журналах «Новый мир», «Волга», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Знамя», «Плавучий мост» и др. Лауреат поэтических премий журналов «Футурум АРТ» (Россия, 2001), «Окно» (Ирландия, 2011) и мн. др. Живёт и работает в Москве.

УЯЗВИМОЕ «МЫ»

(контрольные отпечатки)

посвящается моим родным и любимым

И промелькнём из молчания – как из забытого времени. И вспомним – как пели, сияли, звенели. В комнатах окна открыты – а нас уже нет.

Она открывала и открывала, и так и не смогла до конца открыть эту странную букву «п» – этот невыносимо-тягучий больничный покой. Выцветшие голубоватые стены. Кровать у самого окна. Продавленная сетка. Будто она в гамаке, только гамак – железный. Нет, не гамак, а траурная лодка. Ночи напролёт плыла она в ней сквозь сизовато-жёлтый сумрак. Тусклые фонари за окном. Озеро лунного света на стене. Там, за опасной его глубиной, – колокол комнат, край невозможный, удар и удар, тихий дар мира расколотого – на прощанье.

Проснулась в четыре утра. Молочный свет сонных комнат. Земляника на заросшем высокой травой дачном участке, добродушная пегая собака, помесь лабрадора и овчарки, и увалень кот, приносящий каждое утро на порог пойманную и ещё тёплую мышь. До мелкой речушки, густо поросшей рогозом и камышом, рукой подать. Пройдя речку вброд, можно легко оказаться на другой стороне, а если взять чуть правее, тропинка приведёт к бескрайнему – до горизонта – полю.

После обеда она гуляет с собакой, шагает по пыльной грунтовой дороге. Щёки и плечи покрыты первым загаром, ступни пружинят. Лёгкое платье, сумка через плечо (там бултыхается бутылка с водой). Собака бежит чуть впереди. Горизонт прогибается. Пшеничное поле расступается. Она идёт куда глаза глядят. Собака, высунув жаркий язык, оборачивается. Она льёт из бутылки в ладонь прохладную воду, собака лакает её горячим шершавым языком. Запах шерсти щекочет ноздри. Ладонь покалывает от возбуждения. Солнечный гул насекомых. Она сворачивает с дороги к небольшому островку берёз, ложится на траву. По руке ползёт муравей, добирается до запястья – со смехом она стряхивает пришельца. Собака пегой мордой утыкается ей в бедро – вместе они образуют таинственный иероглиф: «б л а ж е н с т в о».

Тихие однообразные дни. Стол на открытой террасе. Дух июльского полдня над раскрытой тетрадью. Узкая голубоватая тень от гелевой ручки бежит за тёмными буквами, догоняет их, опережает. Бодрые зонтики гвоздик сияют вдоль тропинки. Таинственен язык сада. Бледные розовые пионы впускают в себя увядание и смерть. Тёмный запах

малинника возле забора. Если бы она могла обо всём этом рассказать, но голова её напичкана всяческой ерундой. ||||| |||| || |||| || |||| *Положение, опубликованное в конце XVII века, о мерах, принимаемых в том случае, когда городу угрожает эпидемия чумы. Во-первых, строгое пространственное распределение: закрытие города и ближайших окрестностей, запрещение покидать город под страхом смерти, уничтожение всех бродячих животных; разделение города на отдельные чётко очерченные кварталы, каждый из которых управляется «интендантом»*¹. || |||| |||| || ||||

Монотонно урчит холодильник. На застеклённой веранде, на стене, висит допотопное радио. Чёрный пластик коробки, на передней стенке – внизу справа – небольшая рифлёная ручка, регулирующая громкость. ||||| |||| || |||| ||||| *В назначенный день всем приказывают запереться в домах и запрещают выходить под страхом смерти. Каждая семья должна запастись провизией. Однако для вина и хлеба между улицей и домами оборудуются деревянные желоба, по которым каждый человек получает свой рацион без малейшего контакта с поставщиками и другими горожанами. Если выйти из дому совершенно необходимо, то выходят по очереди, дабы избежать встреч. ||||| || ||||| |||| |||||* Каждый день она включает радио (пока готовит обед) и честно пытается слушать. ||||| || |||| || ||||| |||| *Между зараженными домами от трупа к трупу бродят «вороны», чья смерть никого не волнует: «бедолаги, которые переносят больных, закапывают умерших, убирают улицы и выполняют много презренных и мерзких обязанностей».* |||| |||| ||||| ||||| ||||| *Но выдерживает она минут десять. ||||| | || ||||| |||| |||||* Ежедневно синдик проходит вверенную ему улицу, останавливается перед каждым домом: заставляет всех жителей предстать в окнах (те, чьи жилища смотрят во двор, специально прорубают окна на улицу, и в них должны появляться только они сами), вызывает каждого по имени и осведомляется о состоянии здоровья – «жители обязаны отвечать правду под страхом смерти». ||||| || ||||| || ||||| |||| ||||| *Она шинкует лук, разрезает на несколько частей тёплые, пахнущие солнцем и свежестью помидоры и пупырчатые крепкие – со слезой – огурцы, варит картошку в мундире. ||||| || ||||| ||||| ||||| |||||* *С начала «закрытия» города составляется список всех находящихся в нём жителей. В него заносятся «фамилия, имя и пол (независимо от сословия)».* || ||||| ||||| *Запах сорванных полевых цветов в гранёном стакане, а внутри её тела странная тишина.*

На пороге вечера. Она сидит на деревянном пороге их дома с чашкой чая и книгой. От леса веет прохладой. Тусклый свет лампочки падает на раскрытую книгу, голову, щуплые плечи. С детства больше всего на свете она любила читать, с лёгкостью пробегала по чёрным и таким, казалось бы, знакомым буквам, и всё внутри неё бежало и прыгало по этим мистическим кочкам, по освещённым сиянием разума диким полянам, по тёмным волнам неведомого ей чувства. Она бежала как заведённая. Но однажды остановилась на какой-то просёлочной дороге, на короткой строке из рассказа *апэчэ* – и просидела в блаженном оцепенении до полуночи. Внутри её тела выросла огромная яблоня, и на сухую траву – где-то внизу живота – падали спелые, наполненные райским светом плоды.

Через пять-шесть дней после начала карантина проводится поочерёдная дезинфекция домов. Всех обитателей заставляют выйти. В каждой комнате поднимают или подвешивают «мебель и утварь», комнату поливают ароматической жидкостью и, тщательно законопатив окна и двери и залив замочные скважины воском, поджигают жидкость. Пока она горит, дом остается запертым. ||||| || || ||||| || ||||| Он приезжал после работы уставший, с тонкой плёнкой отчуждения на лице, и подолгу молчал.

¹ Курсивом даны цитаты из работы М. Фуко «Надзирать и наказывать» (1975).

При входе и выходе дезинфекторов обыскивают «в присутствии жителей, чтобы убедиться, что они ничего не принесли и не унесли». Четыре часа спустя жителям разрешают вернуться в дом². |||| |||| | ||||| || || || | ||||| В город, в свою небольшую недавно отремонтированную квартиру, они вернулись в конце августа. В сентябре зарядили дожди, потом пошёл снег, потом опять потеплело.

осенью будто забыли осень забыли вернулизабыли опять не вернули осеньзабыли дни осени тихо заныли дни золотые вернулись в город вернулись в холод вернулись куда вы вернулись в пустую квартиру вернули глаза стылых окон комоды диваны столы и серванты вернулишкафы не забыли вернулистекло и посуду сервизы забыли чашкивернули книги журналы забыли альбомывернули ложки стаканы и полотенца забыли вернулитебя не вернули весна не вернули лето забыли дни золотые забыли забылись и не вернулись вернулись усталость и жалобы жалобы в свете сыром боль болезни разрушено тело память дыра а не память сердце заныло забыло что было кругом пылающим даром последним жалобой боли жизнь не вернули забыли

в город [не зная знаков других] память вернулась вернулось сияние вера вернулась осень зимой обернулась весна повторением новым листаешь [читаетшь] её глубину и входят тропой [ангельской звёздной] дни молодые пахнут родным и знакомым белым покровом сияют [между ключицей и тенью молчанья] и снова синеют длинные дни у порога [грустьрасширяя] пока не зарядят дожди и снега милосердно покроют беспамятство мелких [таких уязвимых] вещей

Видение: в чёрно-белом свете комната показалась зацементированной и мёртвой; он подошёл совсем близко, выдернул штепсель из розетки, пошатнулся и обдал ноги зловонной блевотой; «ты пьян», – не слыша себя, прошептала; он пробурчал что-то типа «ну выпил немного»; на пыльном белёсом ковре (где-то справа) топорщился ярко-синий пакет; он шелестел и казался странно-живым.

в чёрно-белом свете комната чёрная белая близко совсем со всем мёртвым живым близко он подошёл она в шортах и в майке сидела смотрела на то и на это на что-то смотрела не рассмотрела он отшатнулся она прошептала на расстоянии боли о смерти он пробурчал типа «выпил немного» в углу на ковре топорщился яростно-синий пакет шелестел будь ты будь обдуваемый ветром мёртвым живым

тихая комната тихо сияла он подошёл и прошёл как сквозь стену сквозь мрачные мысли [о чём говорим] близко совсем с о в с е м близко вокруг только ярость шуршащая ярость что-то мешало он выдернул с корнем лишнее выдернул с корнем пустое и жалкое [туфли notebook foie gras платья dorblu и smartphone] выдернул с корнем безумие злость жестокость убийство корни кровавые корни войны предательство смерть и отшатнулся и отвернулся мир повернулся жаром накрыл страх непосильный мрак пошатнулся [до самых костей] обдал его тело гнусной блевотой ты тытыты не слыша себя прошептала [чёрная роза] нищая память прости и помилуй в углу на ковре ярко-синий пакет шелестел тихотак будто ветер далёкое море он и она этот свет уязвимый [минуты спасения] свет беззащитный живой

В пол-одиннадцатого ночи пришла эсэмэска «завтра день памяти Вэ, поеду на кладбище, могу забрать и тебя, буду в девять». Утром лил дождь. Серый огромный безрадостный день, пахнувший знакомым лосьоном и непривычным отчуждением. Капли дождя на

² На этом цитаты из работы М. Фуко «Надзирать и наказывать» (1975) заканчиваются.

стекле, унылые и слизкие, как улитки. Длинные пустые улицы, красноватое пятно светофора на перекрёстке, смутные лица, мокрый крест «помним и любим». Чётное число роз на сырой земле, тягостный разговор среди нищих деревьев. И из всех щелей этого долгого дня – свет, жалкий, ранимый, как и его прохладные губы.

пришла не пришла эта простая не больше ста знаков с пробелами пришла воля чужая «завтра день памяти» завтра лил дождь время огромное бремя серое завтра безрадостный день или ночь или вновь скорбные слизкие пахнувшие знакомым лосьоном вольные подневольные дни капли дождя [п о д о ж д и п о д о ж д и] на стекле живые улитки унылые улицы пятно светофора на перекрёстке пятно смутных жизней пятно золотое лица и листья несчастные частные пятна тела мокрый крест слова [лови не лови] капли густые «помним и любим» прозрачные капли слова чётное число раз [не спеши п о м е д л е н н е е не торопись] чётное число роз на сыром чернозёме скорбный пустой разговор [дай закурить] жалобный свет злой огонёк прохладные губы

и о тебе проплакала всю ночь весна и прилетела э сэм эс ка [ты помнишь п о м н и ш ь] день памяти дань завтра могу лишь завтра память могу забрать до завтра [помнишь] прозрачный свет и дождь как через край как солнце огромный завтра день далёкий родной знакомый запах сосен задумчивых [ты помнишь] запах пота земли знакомый грустный запах и радость жаркая что было б ы л о б ы л ь е привычное бельё родное улитки детства [помнишь п о м н и ш ь] мы улетели улетим летим пустые улицы и дней святые лица ты видишь даты видишь свет на перекрёстке крестили нас дождём крестили солнцем прохожие проходят мимо не видят нас [ты помнишь п о м н и ш ь] сны видит мокрый крест берёзы белое лицо простое и небо нищее забытой розы на чернозёме лепестки сияют и рана города зияет [т ы п о м н и ш ь п о м н и ш ь] так рано нам как горе дан наш крест

В доме пахло больницей. Он лежал в дальней комнате, в чистеньком – два на три – тёплом своём саркофаге: на кровати с высокими белыми ножками и приподнимающимся изголовьем. Кровать стояла напротив вечно работающего телевизора, рядом безостановочно стучали большие настенные часы. Он лежал в шаге от трёхстворчатого шкафа с потускневшим зеркалом и в двух шагах от плотно занавешенного окна. В полумраке комнаты, в полузабытии утра. Лежал с перерывами на еду, туалет, массаж (от пролежней) и переодевание в стиранное-перестиранное, но неизменно свежее бельё. Так он лежал уже третий год. Голос его слабел, дыхание становилось всё тише, но когда она подходила и говорила, целуя его небритую щеку, «как ты сегодня?» – он отвечал сиплым шёпотом: «как у Бога за пазухой».

В комнатах было натоплено и душно. Окна, выходившие на занесённое снегом картофельное поле, быстро запотевали. Сквозь голубоватый сумрак утра чернела у забора одинокая груша. Несколько дохлых мух скорбно пылились на серовой вате между оконными рамами. Пахнувший ладаном и влажной зимней сыростью священник закончил читать молитвенное правило, когда часы пробили девять. После причастия больной будто ожил и всё шептал, что апостолы Пётр и Павел ведут его в гору. На бледных щеках, заросших щетиной, проступил слабый румянец. Сложенные на груди руки, худые и безвольные, странно подёргивались. Священник ушёл, унося с собой последнюю надежду.

Она долго и бессмысленно глядела в окно.
Поле и небо смешались в меловой выюжной мгле,
но он был ещё здесь
и дышал.

Неожиданно дыхание смолкло.

Она прошла через комнату, показавшуюся огромной, прошла сквозь острый, будто кирпичами набитый воздух. Остановилась в изголовье кровати. Долго стояла, не шелохнувшись и ничего не чувствуя, будто из жизни её исчезла гравитация и она висела посреди неведомого ей мира, а рядом не было никого: только безжизненное тело мужа – его мертвенно-бледное лицо на серой подушке.

Она редко подходила к телефону, потом и вовсе его отключила. Притихшие после похорон комнаты застыли в безмолвии. Ежедневный утренний кофе, переливающаяся зелёным светом молодая листва тополя за окном и глухое биение сердца, одиноко пробивающее своим смиренным шагом все возможные и невозможные перегородки, чтобы душа её могла выбраться из потаённых комнат тела – и войти в совершенное вечное и живое.

[молчишь улыбаешься] молоко молоко покупайте свежее молоко мало жизнь тебя банила пленговала мало тебя отключала чтобы не приходили не беспокоили [что ты молчишь] упакуй покой своих комнат быстрее упакуй больничные дачные раздаточные санаторные грудь спина бёдра щёки губы лопатки чтобы не беспокоили мрак тела притихшего морок души [улыбаешься шуришься] тело не пило не ело только хотело хотело и хоронили его хоронили застыли в безмолвии ноги руки горло простыло лицо онемело уши пальцы колени запястья голые мысли тёмные волосы голова голова осы во рту всё онемело комнаты непослушные любимого тела [целуешь молчишь] жар этой кожи звёздный пожар сияющего живота ниже выше дар ежедневный утренний кофе остыл и простыли дни золотые [плачешь молчишь] и входит тот свет светом зелёным светом калёным точно листва молодая [шуришься улыбаешься шуришься] глухое биение по ту и по эту сторону буки веда душа ты глаголь покой одинокий шагом смиренным своим упокой стены окна двери перегородки [плачешь плачешь молчишь] душа вышла вон синь и синица аз есмь блаженное достояние весны

ты и река и свет и камень [молчи] ты речь река что подступает к сердцу покой забытых комнат ком на на ты на та ша на та сестра наташа ната была бы здесь [молчи] была бы да ушла да вышла вон на тот на свет на нет ответа нет притихли комнаты притихли мысли в безмолвии бездонном сор труха древесная а сердце точит память точит без молока без сахара твой день твой кофе утренний листва весны сквозь щели ще шу ща зелёным светом сопротивление глухое бежит тахикардически и нервно сквозь выгородки сквозь перегородки о зимородки мира сгустки поющие сквозь загородки [молчи] душа остынь и выйди вон из тела жизни комы комнат летите воробы синицы блаженный звон горячий свет

Холодный дождь последних дней весны стучался прозрачными каплями в сердце. Тихая радость. Если бы у неё спросили, любила ли она этого застенчивого ворчуна с простодушной улыбкой, этого мальчишку с худыми мосластыми ногами, кутившего по две пачки Gauloises в день и целовавшего в сумерках горячую мочку её уха, она бы только улыбнулась. Она любила северное небо, сиявшее над ними в их первую ночь, кисловатый запах подмышек, нежную щетину подбородка, выцветший ворот рубашки и бессвязные слова, прораставшие тягучим веществом молчания. Бледное небо его щёк она чувствовала на себе всегда. Солнечный дождь – кто его видит, может, только мхи и лишайники на старом заборе, да пегий пёс, что свернулся в тёплой своей темноте, в будке возле летней веранды, где виноград и прозрачные тени, и огромное дерево – старый грецкий орех. Языки костра в расширенных зрачках и печёная картошка на серовато мерцающих углях. Бессмертие входило в их простую неизвестную жизнь, как почтальон входит в дом с крошечной прибавкой к пенсии. Она расписывается в какой-то линялой тетрадке,

пересчитывает блёклые купюры и оборачивается привычным движением к тому, кто стоит за невидимой перегородкой – за этими стеклянными дверями, где тихое пение и колокола, и апостолы Пётр и Павел, и он, её Петенька, петелька, ниточка, узелок. Невидимый и прекрасный, он берёт её сердце, целует золотое сечение неба – и она чувствует – снова чувствует – северный воздух прохладный.